

Алексей СУХИНИН

ОКНА СТАРЫХ ДОМОВ

Там, где солнце лучи разметало пращой,
Снеговик задремал на бетонной подставке,
Терпко пахнет бензином, смолой, да ещё
Тёплым хлебом, парящим в лотках автолавки.

Дым из труб растворяет небесную синь,
Закружился снежок, но мороз ещё стоек.
Проезжая, дивится водитель такси
Окнам старых домов посреди новостроек.

А они, словно двери в иные миры,
Держат судьбы людей, как безмолвные стражи –
Где-то треснули рамы от летней жары,
А иные протравлены пылью и сажей.

Ты взглядишь в них, прохожий, успеешь пройти
В обезличенной массе людского потока,
Здесь, быть может, когда-то сойдутся пути
Тех, кто жизнь до сих пор прожигал одиноко.

Вот девчужка стоит, чья судьба – белый лист,
Через стёкла считая промёрзшие лужи.
Рядом алым салютом зацвёл декабрист,
Как издёвка над лютой крещенскою стужей.

В глубине серых стен кто-то любит и ждёт,
Кто-то горькую пьёт под попреки – «потише».
Может, чей-то сейчас будет прерван полёт,
Но душа воспарит над заснеженной крышей,

Вдруг замрёт на мгновенье, всплакнёт про себя
Под напев водосточных заржавленных дулец
И прощальной гастролью, тот город любя,
Полетит любоваться красотами улиц.

Под шум осеннего дождя,
Дурному, мне совсем не спится,
И как бы горестно не спиться,
Покуда ты мне будешь сниться,
Из снов лукаво уходя.

Сквозь приоткрытое окно
В притихший дом сочится осень,
Глядит Варварой длинноносой,
Но ни о чём меня не спросит,
Познав тоску мою давно.

Пугают осень поезда,
В ночи гуляя шумным стадом,
А для меня они – улада,
Сравнимая с ночной эстрадой
Июньских соловьёв в садах.

Дождь размывает фонари
По зеркалам оконных стёкол,
И льётся свет по водостокам
С водой одним шальным потоком,
Предвестьем розовой зари.

Ко мне придёт забытый сон,
С тобой, лесной прелестной феей,
Но из благой страны Морфея
Меня изгонит, не жалея,
Будильника истошный звон.

Игорь МАЛЫШЕВ

В Москве не пишется.
Не знаю, почему!
Столичный дух не кажется пьянящим.
Я вижу здесь убогую страну,
Живущую убогим настоящим.
Век Золотой осел на куполах,
Серебряный – растаскан по музеям,
Век нынешний: от двух минувших – прах,
Покрытый политическим елеем.
На улицах великих москвичей
Чужая речь, неузнанные лица.
Не пишется в Москве. Ну, хоть убей!
Прости меня, любимая столица!
Я лучше – в глушь, где воздух по утрам
Так густ и прян, что с рук напиток можно.
И дышится, и пишется мне там.
В Москве – не то.
Неискренно.
Тревожно.

Не о том печалимся, мужики!
Тянет вольным воздухом от реки,
Над костром качается котелок,
Тлеет, разгорается уголёк...
После «первой» втянемся в разговор –
Пусть кому-то кажется: экий вздор...
Только нет осмысленней и важней
Разговора честного меж друзей.
Снасти позаброшены, не до них...
Разливаем горькую на троих.
Двадцать не ответченных: все – жена...
А беседа тянется до темна.
По мосточку ветхому через ров
Гонит бабка с руганью двух коров.
Провожаем взглядом их и молчим:
Хорошо, что выбрались... Посидим.
Сколько ж мы не виделись? Года три?

А на небе россыпью – янтари!
А под этой россыпью – рыбаки...
Хорошо, что встретились, мужики!

Я на время глаза закрою –
Предо мною всё тот же знак:
Менелаю сдаётся Троя...
Только ты у меня – никак!
Ходишь всё амазонской девой:
Своевольна, хитра, горда!
Я и справа зайду и слева,
Чтобы только услышать «да».
Я палю изо всех орудий!
Я штурмую твои ряды!
Ну подумай, что скажут люди?
Их скамеечные суды?

Ты не слышишь...

Не пала Троя.

Да, не Гектор я, не Ахилл,
Только где ты найдёшь героя,
Чтоб тебя он, как я, любил?

Я иду с тобой по городу –
Мужики косятся вслед,
Натирают шеи воротом,
Вылезают из штиблет.

Жены фыркают и хмурятся,
Благоверных теребя,
И, наверно, мокрой курицей
Называют вслух тебя.

А я радуюсь, как маленький,
Как влюблённый под луной –
Значит, я ещё не старенький,
Если ты идёшь со мной!

Елена КИРЬЯНОВА

НЕСОВПАДЕНИЕ

На пепельно-розовом, крестообразно,
Был сдержанно строг силуэт фонаря,
А в небе — нежна, молода и прекрасна
Над городом спящим всходила заря.
Фонарь закрывал свои жёлтые очи,
И с трепетом ждал возвращенья зари —
Короткую встречу в преддверии ночи,
Когда просыпаются вновь фонари.
И он любовался, мигал молчаливо,
Пытался коснуться чугунной рукой,
Хоть краешка огненной ленты любимой,
Когда уходила она на покой...
Он бредил о ней в полуночных виденьях,
Пока не сгорел — безнадёжно влюблён...
Как много сакрального в несовпаденьях
Возможностей, сущностей, душ и времён...

ЧЕРДАК

По лестнице скрипучей — на чердак,
Где сверху, через мутное оконце,
Победно разрывая полумрак
Прожектором в глаза ударит солнце.
Тут пыль времён лежит на сундуках,
Рыбацкой сетью виснет паутина,
Верёвки бельевые на крюках
И брошенная лампа Алладина.

Тут ржавый велик – старый добрый друг,
Он помнит вкус дорог и шум насоса;
Тоскующий по ласке детских рук,
Безухий заяц с пуговичным носом...
Пройдут года, а может быть — века,
В часы, когда судьба ко мне сурова,
Размазывая слёзы по щекам,
Сюда я буду возвращаться снова.
Я ни к чему рукой не прикоснусь,
И даже эту пыль не потревожу,
Я вниз по шаткой лестнице спущусь,
Чтоб затеряться вновь
в толпе прохожих...

Пропах перрон цветами и разлукой,
И горьковатым дымом папирос,
Все голоса слились в едином звуке,
И полетело время под откос...
Гудели рельсы и пыхтели трубы,
Прощались и прощали все вокруг,
И целовались, без смущенья, в губы,
И чемоданы падали из рук.
Вальс танцевали люди у вокзала,
Ты потерял меня в густой толпе.
Так много я тогда тебе сказала,
Как мало я смогла сказать тебе...

Сергей ГРИНЁВ

К АНДРЕЮ

З
Здравствуй, Андрюшенька, здравствуй, сынок, за горами
да за долами крахмальный неба лоскут
тих и прозрачен, как капельки сна на пижаме
маленькой Мери и, как монолог в мелодраме,
полон пугливой надежды: не нынче в закут.
Как ты, мой мальчик, в каких ты спряжениях, лицах?..
В past perfect passive... на краешке губ акварель
медленно тлеет в лиловый цветок медуницы.
Что тебе в брошенном небе Аустерлица
снился, пока собирает налоги шрапнель?
Здравствуй, сынок, не лежи на холодном. Мессия
в душу нисходит на кончике божьей блесны –
острой тоски по смоленской березовой сини...
Сын, просыпайся, пора возвращаться в Россию.
Время смотреть бородинские, курские сны...

